

Владимир Ильиных

Родился в 1948 году в Туркмении. Трудился на строительстве Воткинской ГЭС. Окончил исторический факультет Пермского государственного университета им. А. М. Горького и журналистское отделение Новосибирской ВПШ. Работал редактором районной газеты. Печатался в журналах «Алтай», «Огни Кузбасса», «Начало века», «Сибирские огни» и др. Живет в селе Быстрый Исток.

ПОЗДНЯЯ ПОРА СЕНОКОСА

На вечерней заре утки над засидкой¹ Петра не летали. Августовское солнце долго стояло над горизонтом, посылая на землю горячие лучи. Высоко, вне досягаемости выстрела из дробовика, проносились над головой охотника стайки неугомонных чирков, табуны тяжелых крякв и стройных шилохвостей, гоготали гуси-казарки. Они стремились на неубранные совхозные поля — подкормиться перед отлетом на юг осыпавшейся на землю или сваленной в валки совхозной пшеницей.

«Дармоеды, — подумал о них охотник, — слетелись на чужое». Тут же, в сердцах недобро ругаясь, «смазал» в очередной раз по стремительно летевшему откуда-то сбоку чирку. Охота явно не задалась. Упрямо просидев до темноты, Петр собрал в рюкзак расставленные на мелком речном плесе чучела птиц.

¹ Засидка – укрытие для наблюдения за животными, птицами и т. п., для подкарауливания зверя, дичи и т. п.

Взяв заряженное ружье и сторожко ступая вдоль течения реки, направился в сторону дома. Хотя стоял поздний август, трава в низинках и у воды еще не высохла. За лето подрос молодой камыш, где могли прятаться кряквы. Охотник чутко вслушивался в тишину, не теряя надежды на случайную удачу.

За крутым поворотом реки, в так называемом Балаганском углу — небольшой долинке, окруженной зарослями черемухи, шиповника, акации и лозы, кто-то косил сено вручную. Чувствовалось, что тяжелая литовка с трудом продирается через травостой. Кормодобытчик частил, стремясь как можно больше «свалить» травы перед надвигающимися сумерками. Вскрапнула привязанная к телеге распряженная лошадь. По короткому и частому взмаху косы, по тому, как носок ее время от времени зарывался в землю, Петр определил, что косила женщина.

При ближайшем рассмотрении так и оказалось. Он узнал Настену из соседней Калиновки, которую помнил по средней школе. Девушка была старше его на два класса. Зимой часто прибегала из своей деревни в школу на лыжах. Он вдруг вспомнил: «Сольвейг, ты прибежала на лыжах ко мне...» Старшеклассники в то время увлекались Ибсеном. Но познакомиться с девушкой Петру никак не удавалось. После уроков Настена спешила домой, чтобы помочь матери по хозяйству. Семья их жила без отца, следовательно, нелегко. Сразу после десятилетки Настена вышла замуж за военного и уехала с ним по месту службы на Дальний Восток. Начавшее было зарождаться в душе паренька неизведанное ранее чувство, постепенно, со временем сошло на нет.

Настена вернулась через некоторое время в родную Калиновку без мужа, но с двумя детьми. По слухам, погиб brave офицер-ракетчик при нештатной ситуации на одной из шахтных пусковых установок. Приехав домой, Настена жить с родителями мужа не захотела. Купила домик, держала в хозяйстве корову для детей, сама устроилась учетчицей на ферму.

Поздоровавшись издалека, Петр присел на кочку отдохнуть и перекурить. В быстро сгустившихся сумерках женщина закончила работу. Завела лошадь в оглобли, запрягла. Бросив в телегу охапку свежей травы, поспешила в деревню. Видимо, там ее ждали другие срочные дела. Посидев еще немного для порядку

и увидев, что Настена отъехала достаточно далеко, Петр встал и перешел в болотных сапогах мелкую на перекате речку, направляясь к месту покоса. Он заметил, что Настя не взяла с собой литовку, запрятав ее в прибрежном ивняке. Изрядный кусок луга еще оставался невыкошенным. Женщине не раз придется сюда приезжать. А ну как пойдут дожди?!

Найдя литовку и подправив лезвие бруском точильного камня, Петр, прилаживаясь, цепко ухватился за косовище. Орудие было прикладистым, с нужным углом посадки. Видимо, изготовили косу руки старого мастера — отца Настены. Удобная коса — большое подспорье в руках умелого работника.

Взошла луна и осветила окрестности. Петр сделал пробный закос. Почувствовал, что работа пойдет. Тем более, что Настена накануне не поленилась подготовить место для покоса: очистила луг от сухих веток, сучьев, поваленных деревьев. Поэтому, входя в ритм работы, слегка нажимая на «пятку» литовки, Петр уверенно прошел один широкий прокос, другой, третий. Валок ложился ровно, травинка к травинке. Этому помогала выпавшая роса.

Оставляя после себя ровную, низко скошенную стерню, разгоряченный мужчина с головой ушел в работу. Теперь не хотелось останавливаться, не хотелось отдыхать. Свежий ночной воздух наполнял легкие кислородом, придавая новые силы. Замах получался широким, вольным, ритмичным. Казалось, каждая жилочка напружиненного тела выводила свою мелодию в настроенном организме физически здорового мужчины. Петр сам не заметил, как довел прокос до дальнего края поляны.

Еще через час, лишь однажды перекурив, он закончил работу. Окидывая взглядом сделанное, довольно подумал, что, пожалуй, загрузить машину скошенной им травой будет можно. Настена сильно удивится, приехав на этот участок завтра. И очень обрадуется. Непременно поймет, кто ей помог. От этой мысли Петр улыбнулся, отнес литовку на определенное женщиной место.

Натруженные после работы мышцы сразу заныли. Долго не раздумывая, сбросив рубаху, в которой косил, мужчина погрузился в речную воду. От нее уже поднимался легкий предутренний туман. Бодрящие шелковые струи реки успокоили

разгоряченное тело. Надоевшие комары куда-то исчезли. После купания Петр докрасна растерся сухим бельем, нацепил охотничью амуницию, взял в руки ружье и напоследок закурил, присев на кочку. На душе стало так легко и спокойно, будто свечечку в храме перед ликом Спасителя поставил.

ТЁПЛЫЙ ДОЖДЬ

На перроне небольшого уютного города лил теплый дождь. Он поливал сплошным потоком вагоны подошедшего к платформе, пышущего жаром, утомленного пассажирского состава, прибывшего издалека. Сгонял воробьев и голубей с привычных добычливых мест, заставлял прятаться их под стрехой вокзальных строений. Легкий ветерок наклонял струи дождя, как линейки в школьной тетрадке по письму.

В моей стране всё было как всегда.

Дожди, шурша, облизывали крыши.

И соблюдалось разделение труда,

Старик расклеивал, а ветер — рвал афиши.

Строки неизвестного поэта легко всплывали в памяти молодого, наголо стриженного парня, выпрыгнувшего из вагона на перрон. С собой у него — старый вещевой мешок, на ногах — стоптанные кеды. Голова отсвечивает, как бильярдный шар. Кому не понятно, что парень собрался на службу в армию, спешит за своей командой, которую бравый сержант уже строит у главного выхода в город? Не отстать бы!

Парень небрежно машет рукой кому-то оставшемуся в вагоне и бежит в строй. Он еще не отошел, не остыл от волнующего разговора с приятной попутчицей в ночном купе, когда выкладываешь все, что у тебя есть на душе. Серые глаза девушки внимательно и пытливо всматриваются в твои... Молодые люди ночь напролет читали друг другу стихи любимых поэтов. Как-то так получалось, что, когда начинал строфу парень, девушка подхватывала и заканчивала ее.

Когда «прошли» Архилоха, Лорку, Уитмена, Хафиза и многих других, то читали Анненского и Блока, Цветаеву и Мандельштама, Ахматову и Есенина. За окнами вагона нежно заалел робкий рассвет. Это было какое-то наваждение. Они вышли в тамбур, опьяненные близостью поэтических вкусов, пристрастий, переживаний. Казалось, будто тонкая ниточка протянулась между ними и вибрирует, вибрирует... Когда рассвет добросовестно выбелил стекла вагона, парень нехотя попрощался с девушкой. Как много нужно было еще сказать друг другу!

Пришло неясное ощущение невосполнимой потери. Оно — в возникшем вдруг притяжении человека к человеку, в тонкой ниточке, протянувшейся от души к душе. Настолько тонкой, что, когда и порвешь — не заметишь. Оттого, походя, рвешь ее, как паутину, надеясь, что в последующей жизни, большой и стремительной, будет немало подобных встреч, разговоров. А всегда ли жизнь бывает так щедра к нам? И проходим мимо зеркальными половинками друг друга, не узнавая свое отражение, легкомысленно устремляясь вперед, рассчитывая на яркие впечатления.

Перед глазами парня предстало недавнее прошлое. Огромный распахнутый горизонт, который забирает тебя в свои объятия, лишь только тепловоз минует Урал и начнет приближаться к Казани. В необозримой вышине — белокипенные облака, там и сям разбросанные по небосводу рукой Создателя. Простор и воздух заполняют, кажется, все клеточки твоего восторженного существа. Поезд бережно выносит состав к великой среднерусской реке-кормилице.

Здесь все необыкновенно. Трехпалубные белоснежные теплоходы, как струги Стеньки Разина, летят по былинной Волге. Искрится вода, рассыпая лучи солнца под форштевнями кораблей. Умиротворенный клекот волн потом долго слышен в ночной тишине. Он постепенно стихает, когда теплоход начинает швартоваться у очередного дебаркадера.

Старинный город Плес, любимый Левитаном, так же, как на его полотне, пламенея желтой палитрой увядания, спокойно-задумчиво сползает кривыми улочками прямо в синюю воду реки. Улочки чисто убраны для туристов. Зовущие дали Заречья, воспетые несравненным Паустовским, манят побывать

в своих «палестинах». Понимаешь, что это — малая родина предков. И не так уж важно: костромское ли это лесное раздолье, или перенесенный на полотно знаменитый сюжет «Над вечным покоем», или мокнущие под дождем стога, запечатленные рукой гения. В душе открывается какое-то недремлющее око, которое, по-видимому, было в ней всегда. Но вот задело за живое, и ты чувствуешь, что увиденное останется с тобой надолго. Так и собираешь сокровенные моменты жизни, чтобы глубоко запрятать в копилку души.

Начав с сокровенного, в воображении переходишь к синим суровым волнам Ладоги с ее седым Валаамом. Видишь голубые необъятные просторы Онеги с маковками еще не испорченных реставрацией Кижей. И тихую, глубокую речку Свирь, соединяющую два озера-моря. Заросли густой и высокой, медвяно пахнущей травы, подступающей к самому планширу судна. И протяжные, окающие голоса белоголовых северных ребятишек, подбегающих к борту корабля и наивно вопрошающих: «Куда едете-е-е?» И горсть шоколадных конфет, брошенных туристами с палубы детям, почему-то коробит тебя, но умиляет до слез самих туристов.

В отмеченное и установленное судьбою время после Волги была Кама. Тоже шел тихий и теплый летний дождь. Пастернаковским сизым селезнем из-под ног заполошно взлетел изумленный закат. Парень с суженой самозабвенно носились по травянистому берегу, вскрикивая что-то от счастья жить, чувствовать, ощущать, быть. Вот и все. Потом мы с тобой поженились. За плечами немалая, сложная, не такая уж удачная жизнь. В ней ничего не изменишь.

Одного не могу себе простить перед грядущим небытием: что не шагнул тогда обратно в вагон, не вспрыгнул на ходу в набирающий скорость состав и не взял адреса той, которая осталась единственной моей женщиной. Порой я ее чувствую рядом с собой, как предназначенную судьбой. Мысленно вглядываюсь в прошлое. Вот только теплый летний дождь мешает рассмотреть дорогие черты за потеками плачущих стекол.